

Заграничныя извѣстія.

КАВИМІРЪ БОНЖУРЪ.—Г-ЖА ЖИРАРДЕНЬ.—НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.—ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРКАНИИ ПО ЧАСТИ ТВОРЕНІИ ИСКУССТВА.—НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ПИАКРА.—КНИГА ЦАМА.—ЖАРЫ И ЗАЛУСТАНІИ ВЪ ЛОНДОНѢ.—НОВЫЙ ПРОЕКТЪ ДЛЯ ОТЫСКАНІИ ФРАНКЛИНА.—ОВЪЯСНЕНІЕ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Французская драматическая литература понесла потерю въ лицѣ г. Кавиміра Бонжура, пользовавшагося когда-то извѣстностью. Кавиміръ Бонжуръ былъ прежде учителемъ, а потомъ поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Здѣсь онъ написалъ первую свою пьесу Мать-соперница (*La mère rivale*), которая, точно такъ же, какъ и другое произведеніе его — Деньги (*L' argent*), отзывалась чиновничьимъ слогомъ. Въ Счастливомъ мужѣ (*Le Mari à bonnes fortunes*) представлялось уже больше живости, болѣе яркаго дарованія, что заставило начальство автора предположить въ немъ неспособность къ служебнымъ занятіямъ. По выходѣ въ отставку, онъ написалъ еще пять или шесть пьесъ, которыя не оправдали, впрочемъ, общихъ ожиданій. Когда наступила революція 1830 года, Кавиміру Бонжуру, сдѣлавшемуся извѣстнымъ не столько своимъ талантомъ, сколько по случаю принужденной отставки отъ службы, предложили мѣсто префекта, отъ котораго онъ, однако, отказался. Онъ довольствовался должностью библіотекаря, въ которой и кончилъ жизнь. Въ послѣдніе годы онъ далъ свѣту замѣтить о своемъ существованіи издашемъ романа Несчастье богача и Счастье бѣдняка (*Le Malheur du riche et le Bonheur du pauvre*). Попытки его поступить въ Академію оставались безъ успѣха.

Недавно появился въ печати сборникъ журнальныхъ статей, написанныхъ по случаю смерти г-жи Жирардень; но въ это изданіе не вошло лучшее сочиненіе объ этой писательницѣ, авторъ котораго, г. Таксиль Делоръ, извѣстенъ въ области легкой, фельетонной литературы.

Вотъ что говорятъ онъ, между прочимъ, о дѣятельности г-жи Жирардень: «Мудрено найти въ нашей литературѣ что нибудь болѣе трудное для выполненія, чѣмъ эта ежедневная исторія нравовъ, театра, идей, модъ и удовольствій утонченнаго общества. Ничто не требуетъ отъ ума писателя столько проникаемости, легкости и вмѣстѣ глубины, какъ подобная работа. И про-

длить существованіе этихъ многолѣтнихъ замѣтокъ, опасающихся такъ называемую современность долѣе минуты, видѣвшей ихъ рожденіе, значить осуществить одну изъ труднѣйшихъ литературныхъ задачъ».

По поводу сочиненія г. Чихачева: Климатологическія изысканія въ Малой Азіи, и записки объ этомъ трудѣ, поданной г. Бекерелемъ въ Парижскую Академію Наукъ, былъ обсуждаемъ вопросъ объ истребленіи лѣсовъ. По указаніямъ автора, истребленіе лѣсовъ въ Малой Азіи понизило тамъ среднюю температуру лѣта, возвысило среднюю температуру зимы и было причиной появленія болотъ. Это заключеніе подкрѣплено множествомъ фактовъ. Но для правильнаго опредѣленія послѣдствій, могущихъ произойти отъ истребленія лѣсовъ, необходимо сообразить многія топографическія условія, такъ какъ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ уничтоженіе лѣсовъ можетъ сопровождаться диаметрально противоположными явленіями. Такимъ образомъ, вопреки примѣру, приводимому г. Чихачевымъ, можетъ случиться, что отъ оскуднѣнія лѣсовъ лѣто сдѣлается болѣе сухимъ и жаркимъ, а зима болѣе холодною, такъ что обнаженіе почвы земли повлечетъ за собою болѣе значительную разницу между крайними температурами лѣта и зимы. Относительно большей или меньшей влажности почвы, уничтоженіе лѣсовъ ведетъ также къ весьма различнымъ результатамъ. Говоря вообще, лѣса защищаютъ почву отъ солнечныхъ лучей, которые теряются въ густой листвѣ, позволяютъ парамъ сгущаться въ тѣни деревьевъ и, такимъ образомъ, сохраняя влажность, поддерживаютъ растительную силу.

Г. Буамонъ, котораго фізіологическія и психологическія наслѣдованія пользуются большою извѣстностью, издалъ недавно книгу, въ которой излагаетъ собранныя имъ данныя о статистикѣ самоубійства.

Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ говоритъ:

«Разсмотрѣвъ примѣры самоубійства въ древности, въ средніе вѣка и въ нынѣшнее время, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: 1) Время отдаленной древности, по свойству господствовавшаго тогда религіознаго и философскаго ученія, имѣвшаго характеръ пантеистическій, въ особенности содѣйствовало развитію самоубійства; 2) напротивъ того, въ средніе вѣка, утвержденіе религіозныхъ чувствъ и философскаго спиритуализма много способствовало ограниченію самоубійства; 3) въ новѣйшія времена возрастающее первѣріе, скептицизмъ и равнодушіе дали опять толчекъ развитію этого преступленія».

По указаніямъ автора, число случаевъ самоубійства представляло съ 1834 по 1843 г. слѣдующія цифры: во Франціи—мужчинъ 17,904, женщинъ 6,969, всего 24,873; въ Парижѣ—мужчинъ 3,215, женщинъ 1,380, всего 4,595. Самоубійцы въ Парижѣ подраздѣлялись, относительно средствъ къ существованію, слѣдующимъ образомъ: богатыхъ было 126; людей достаточныхъ 571; зарабатывающихъ себѣ насущный хлѣбъ 2,000; людей стѣсненныхъ въ средствахъ 256; раззорившихся 159; бѣдныхъ 1,173; не приведенныхъ въ извѣстность 310.

Вопреки общепринятому мнѣнію, число самоубійствъ въ теченіе хѣтнихъ мѣсяцевъ превышало число подобныхъ же случаевъ въ зимніе мѣсяцы. Изъ 4,595 самоубійствъ 1,491 совершены въ первые четыре мѣсяца года, 1,837 во вторые четыре мѣсяца и 1,267 въ остальные четыре мѣсяца.

Но кромѣ того, что самоубійцы выбираютъ для прекращенія своей жизни

лучшую пору года, они большею частью совершают это преступление не ночью, а при дневномъ свѣтѣ. Изъ 4,595 самоубійствъ въ Парижѣ 2,094 были совершены среди бѣлаго дня, 766 вечеровъ, 658 ночью; объ остальныхъ же 1,077 не собрано удовлетворительныхъ данныхъ.

Г. Буаюанъ представляетъ рядъ таблицъ, доказывающихъ, что число случаевъ самоубійства во Франціи и особенно въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ постоянно увеличивается.

Повтореніе примѣровъ самоубійства въ болѣе значительной пропорціи противъ возрастанія народонаселенія не подлежитъ, по мнѣнію автора, никакому сомнѣнію.

Въ числѣ различныхъ причинъ, способствующихъ развитію самоубійства въ Парижѣ, одну изъ главныхъ авторъ относитъ въ биржевымъ спекуляцизмъ. Эта спекулятивная игра чрезвычайно увеличилась со времени уничтоженія правительствомъ публичныхъ игорныхъ домовъ.

Вообще, книга г. Буаюана проливаетъ яркій свѣтъ на одну изъ печальныхъ сторонъ жизненной статистики.

Въ то время, какъ чисто-литературная дѣятельность Германіи находится въ застоѣ и не производитъ вовсе замѣчательныхъ твореній поэтическихъ, романовъ и театральныхъ пьесъ, въ Берлинѣ процвѣтаетъ отдѣлъ исторіи и критики искусства. Довольно назвать ученыхъ статьи Франца Куглера, этюды Ваагена о художникахъ Англіи и Франціи, Исторію архитектуры Вильгельма Любке, Письма объ искусствѣ (Künstlerbriefe) Гула, труды и лекціи Кисса, чтобы дать понятіе, какую высокую степень эстетическая литература занимаетъ въ столицѣ Пруссіи. Между гѣмъ, посреди этой пытливой дѣятельности, не доставало только изданія, которое служило бы посредникомъ между трудами ученыхъ и германской публикой. Недостатокъ этотъ рѣшился восполнить молодой писатель Максъ Шаазлеръ, близко знакомый съ исторіей живописи и слѣдившій за всѣмъ, что касалось дѣятельности и направленія современныхъ школъ. Отсутствіе политическаго единства, заставляющее Германію, въ случаѣ кризиса, беспокоиться за свою самобытность, приноситъ ей много пользы въ отношеніи умственной дѣятельности. Благодаря существующей организаціи Германіи, тамъ нѣтъ почти ни одного сколько нибудь значительнаго города, въ которомъ не было бы первостепенныхъ артистовъ; притомъ, каждый городъ отличается самобытною дѣятельностью. Къ несчастію, эти артисты слишкомъ изолированы другъ отъ друга, слишкомъ чужды одинъ другому, школы не обмѣниваются мыслями и добытыми данными, въ особенности публика недостаточно посвящена въ занятія профессоровъ и учениковъ; а потому, когда предстоитъ случай издать какое нибудь капитальное твореніе, Германіи какъ будто бываетъ къ тому не приготовлена. Напримѣръ, если бы во время Парижской всемірной выставки въ Берлинѣ или Мюнхенѣ нашелся довольно значительный журналъ, который вызвалъ бы артистовъ на соревнованіе, если бы художники нашли для себя поощреніе въ литературѣ, то, конечно, германскій отдѣлъ выставки представилъ бы совершенно другіе результаты. Диоскуры, сборникъ, издаваемый г. Шаазлеромъ, будетъ имѣть цѣлю исполненіе именно подобныхъ обязанностей. Онъ поставитъ себѣ задачей сближать различныя школы, слѣдить за произведеніемъ искусства, обращать вниманіе публики на все замѣчательное, выводить наружу невѣдомыя

сокровища, однимъ словомъ, вносить въ область искусства жизнь, одушевлѣніе. Онъ обѣщаетъ также заниматься промышленностію и отношеніями ея къ искусству рисованія. Такимъ образомъ, издаше г. Шазлера будетъ руководить публику въ изысканіяхъ по части искусства и въ самомъ наслажденіи художественными произведеніями. Этого сборника вышло уже нѣсколько тетрадей.

Назадъ тому лѣтъ тридцать, Вильгельмъ Цанъ предпринялъ издаше огромнаго труда о живописи въ Помпей, Геркуланумъ и Стабіяхъ. Будучи молодъ и страстно преданъ своей работѣ, Цанъ поселился въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя избралъ предметами своихъ изслѣдованій: онъ кровель тамъ двѣнадцать лѣтъ, и плодомъ его усилій явился замѣчательный трудъ, который онъ только что окончилъ. Когда первые выпуски его появились въ 1828 году, Гете привѣтствовалъ ихъ съ энтузіазмомъ. Обративъ на это изданіе общее вниманіе Веймара, Берлина, Лены и всей сѣверной Германіи, Гете написалъ о немъ статью въ Вѣнскихъ Лѣтописяхъ, и покровительство, оказываемое имъ автору, чрезвычайно ободряло его посреди трудовъ. Вообще изданіе Цана было однимъ изъ тѣхъ немногихъ предметовъ, которые возбуждали въ дряхломъ уже поэтѣ довольно сильную симпатію. Коллекція писемъ Гете къ Цану составила бы цѣлый томъ; послѣднее изъ нихъ адресовано въ Неаполь отъ 10 марта 1852 года, за двѣнадцать только дней до кончины знаменитаго писателя.

Сочиненіе Цана издано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Лучшія украшенія и замѣчательнѣйшія картины въ Помпей, Геркуланумъ и Стабіяхъ, съ очерками и рисунками. Г. Цанъ вмѣстѣ и археологъ и живописецъ; его оживленные снимки съ произведеній древняго искусства сопровождаются объяснительнымъ текстомъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Притомъ, у автора много изобрѣтательности. Чтобы вѣрнѣе передать характеръ помпейской живописи, онъ придумалъ отпечатывать рисунки вмѣстѣ съ красками, и рисунки эти даже теперь возбуждаютъ удивленіе въ знающихъ людяхъ. А Гумбольдтъ, вполне умѣющій оцѣнивать всевозможныя произведенія ума, старался выставить важность изобрѣтенія Цана: Парижская Академія Художествъ также выразила ему свое полное сочувствіе. Цанъ подраздѣлилъ свой трудъ на три части, изъ которыхъ послѣдняя только что окончена. Первая, заключающая въ себѣ около сотни рисунковъ, появилась между 1828 и 1829 годами, вторая между 1841 и 1845 годами, третья начата въ 1848 году.

Разсматривая произведеніе Цана, всякій пойметъ восторженность Гете: нельзя не удивляться красотѣ, значительности и идеальному волнчію картинъ, списанныхъ авторомъ. Римская живопись, столь мало извѣстная намъ, является тутъ со всѣми своими сокровищами. Здѣсь глазамъ зрителя представляется цѣлый музей изящныхъ произведеній. Подобное издаше займетъ почетное мѣсто во всѣхъ большихъ бібліотекахъ. Впрочемъ, трудъ Цана, по самому существу своему, не можетъ тотчасъ же рассчитывать на большую популярность, хотя рано или поздно, конечно, найдетъ доступъ въ массу публики.

Лондонъ сильно страдаетъ отъ лѣтнихъ жаровъ и душливой атмосферы. Среди общаго заустѣнія и пыли, почти единственный привлекательный уголокъ представляетъ Сейденгемскій хрустальный дворецъ. Выставка цвѣтовъ, бывшая тамъ въ нынѣшнемъ году, уже два раза собирала вокругъ себя десятки тысячъ зрителей. Растенія, воспитанныя заботливостію страстныхъ лю-

бителей и искусных садовниковъ, великолѣпныя азалия съ пунцовыми и бѣлыми цвѣтами, фантастическіе геращумы, носяще имена Кюбдена и Кассандры, азриды (*offine gurba*), энидендры и розы всевозможныхъ сортовъ обратили внутренность дворца въ самый счастливый оазисъ. Къ цвѣточной выставкѣ присоединялась выставка плодовъ, гдѣ видѣлись виноградныя лозы, душистые ананасы (*pine apples*), персики и проч.

Прелесть этихъ даровъ Флоры и Помоны возвышалась еще болѣе присутствіемъ большого общества самыхъ изящныхъ, самыхъ элегантныхъ англичанокъ.

Монументальныхъ измѣненій внутри дворца почти совсѣмъ нѣтъ, и памятники, поставленные тамъ въ честь мира, сдѣланы изъ картона, хотя и представляютъ гранитъ.

Первому лорду казначейства подана отъ имени людей, пользующихся большимъ значеніемъ, записка, въ которой они ходатайствуютъ о дозволеніи предпринять новые поиски за остатками кораблей *Egebus* и *Togtog*, на которыхъ, какъ извѣстно, Франклинъ, вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ, оставилъ Англію. Вотъ что сказано, между прочимъ, въ этой запискѣ:

«Оставаясь въ убѣжденіи, что корабли ея величества *Egebus* и *Togtog*, или ихъ остатки, затерты льдами на небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ найдены докторомъ Рэ нѣкоторыя вещи, принадлежавшія сэру Джону Франклину или людямъ его экипажа, мы, нижеподписавшіеся, почтительно просимъ васъ, милордъ, разрѣшить отправить экспедицію, съ цѣлію поддержать честь нашего отечества и разъяснить тайну, возбудившую сочувствіе образованнаго міра.

«Это предположеніе поддерживается многими изъ людей, производившихъ арктическія изысканія. Видя, что настоящая экспедиція ограничится извѣстнымъ, опредѣленнымъ пространствомъ, они убѣждены, что проектъ удобоисполнимъ и не сопряженъ съ большими пожертвованіями.

«Мы никакъ не думаемъ, чтобы британское правительство, оказавшее такъ много стараній при отысканіи пути, по которому ѣхалъ Франклинъ, прекратило свои изслѣдованія теперь, когда опредѣлена уже мѣстность, гдѣ должны находиться корабли или ихъ остатки,—тѣмъ болѣе, что подобныя изслѣдованія прольютъ новый свѣтъ на географію арктическихъ странъ и разсѣютъ мракъ, которымъ покрыты еще странствованія и судьба нашихъ соотечественниковъ.

«Хотя большинство пришло къ заключенію, что изъ экипажа Франклина не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, но есть также люди съ авторитетомъ, которые держатся противнаго мнѣнія.

«Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ разсужденія и переходя прямо къ вопросу о возможности отыскать корабли экспедиціи Франклина или слѣды существованія этихъ кораблей, замѣтимъ, что ни экспедиція внизъ по Бакъ-Рейверу, ни экспедиція, достигшая недавно острова Монреала, не могутъ удовлетворительно выполнить тотъ планъ, который у насъ въ виду. Непрочность лодокъ изъ березовой коры, на которыхъ г. Андерсонъ производилъ свои изысканія, опасности, представляемая рѣкою, неплодіе страны, окружающей ея устье, и неизбѣжный недостатокъ съѣстныхъ припасовъ не позволили даже

начать должнымъ образомъ изслѣдованіе, которое можетъ быть удовлетворительно выполнено лишь экипажемъ военнаго корабля, не говоря уже о моральномъ вліяніи вооруженнаго отряда, который будетъ находиться по сосѣдству, пока туземцы не заслужатъ полной довѣренности.

«Многіе изслѣдователи арктическихъ странъ выразили убѣжденіе, что, вѣроятно, есть нѣсколько дорогъ, по которымъ винтовой корабль могъ бы такъ близко подойти къ мѣсту, что совершенно устранилъ бы всякое сомнѣніе.

«Не осмѣливаясь утверждать, который именно изъ этихъ плановъ долженъ быть принятъ въ руководство, мы просимъ васъ, милордъ, разрѣшить безъ замедленія такого рода экспедицію, которая, по мнѣнію Комитета арктическихъ путешественниковъ и географовъ, могла бы всего лучше соотвѣтствовать предположенной цѣли. Если Франціи, послѣ напрасныхъ усилій узнать что либо вѣрное о судьбѣ Лаперуза, лишь только услышала, что открыты вещи, принадлежавшія этому путешественнику, какъ немедленно снарядила особую экспедицію для собранія всѣхъ предметовъ, принадлежавшихъ его кораблямъ,—то мы увѣрены, что арктическія изслѣдованія, сдѣлавшія столько чести нашему отечеству, не будутъ оставлены въ ту именно минуту, когда разъясненіе странствованій и судьбы нашихъ потерянныхъ мореплавателей, повидному, уже въ вашихъ рукахъ.

«Въ заключеніе мы просимъ, чтобы настоящее предпріятіе, которое всего успѣшнѣе могло бы быть выполнено британскимъ правительствомъ, не было отдано на руки постороннимъ людямъ, другой націи, или вдовѣ оплакиваемого нами собрата».

Въ вышедшей недавно книгѣ Томаса Тейлора Медоуза заключается много любопытныхъ свѣдѣній о Китаѣ, и данныя, сообщаемыя здѣсь, носятъ на себѣ печать несомнѣнной истины. Авторъ началъ изучать китайскій языкъ съ ноября 1841 года. Впродолженіе десяти лѣтъ съ половиной, онъ исправлялъ должность переводчика въ Кантонѣ и Шангаѣ и былъ посылаемъ съ особыми порученіями сперва на острова Лучу, а потомъ въ экспедицію, для изслѣдованія движеній таэ-гинскихъ мятежниковъ, близъ Нанкина. Тутъ ему представился благопріятный случай ознакомиться съ нравами и обычаями народа, который занимаетъ «Срединную имперію» и составляетъ численностью свою третью часть всей человѣческой семьи. Притомъ-же, авторъ—самобытный мыслитель: онъ не довольствуется собираемъ фактовъ, а, распредѣляя и сличая ихъ другъ съ другомъ, выводитъ изъ нихъ новыя идеи.

Сочиненіе, которое разеуждаетъ о философіи, нравственности и тому подобнымъ серьезнымъ предметахъ, конечно, не предназначается для поверхностнаго чтенія, но въ книгѣ г. Медоуза встрѣчаются уже слишкомъ длинныя и запутанныя періоды; изложеніе иногда тяжело, подобно умствованіямъ германскихъ метафизиковъ, попадаются новыя варочно выдуманныя слова (напр., *civilisade*, *Occidentals*, *barbarization*), которыхъ гораздо благоразумнѣе было бы не употреблять вовсе.

За всѣмъ тѣмъ, не смотря на эти недостатки, книга Медоуза заслуживаетъ быть прочитанною всякимъ, кто желаетъ получить вѣрное понятіе о народномъ понятіи китайцевъ.

Чтобы понять нынѣшнюю китайскую революцію, нужно изучить національныя свойства китайцевъ. Китайцы признають основное начало — вѣчный законъ, методу или необходимость, которые предшествовали появленію всего вещественнаго. Этотъ законъ дѣйствуетъ помощью двухъ орудій—Янгъ, положительнаго вещества, и Инъ, отрицательнаго вещества; отъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ веществъ рождаются пять стихій и четыре времени года, а отъ взаимнаго вліянія стихій и времени года происходитъ все существующее въ видимомъ мірѣ.

Далѣе, есть духовное, безтѣлесное начало, называемое Ли. Слово это означаетъ управлять; ово выражаетъ душу матерш—господствующее начало вселенной, въ человѣкѣ указываетъ на разумъ. Въ каждомъ человѣкѣ заключается особый Ли, который есть составная часть Ли, управляющаго вселенной, подобно тому, какъ мельчайшія капли воды суть составныя части океана.

Говоря обыкновеннымъ языкомъ, китайцы убѣждены, что вселенная существовала отъ вѣчности и что хотя она подвержена постояннымъ измѣненіямъ, но не можетъ быть окончательно разрушена. Далѣе, они вѣрятъ, что міромъ управляетъ вѣчное, неизмѣнное начало, съ которымъ не соединяется впрочемъ идея о личности. Они не признають божества и, разсуждая о небѣ и небесной волѣ, разумѣютъ тотъ же неизмѣнный законъ или начало, о которомъ было упомянуто выше. Этотъ законъ исполняетъ всѣ обязанности божества, потому что, будучи самъ по себѣ абсолютною истиной и совершенной гармоніей, онъ требуетъ, чтобы человѣкъ поступалъ совершенно сообразно съ его дѣйствіями, и тогда человѣкъ бываетъ вполне добродѣтельнымъ. Тотъ же самый законъ за нарушеніе своихъ предназначеній наказываетъ злополучіемъ и лишеніями, сопровождающими человѣка на пути къ пороку. Такимъ образомъ бѣдствіи служатъ доказательствомъ, что великій законъ, дѣятельность котораго выражается въ совершенной гармоніи и мирѣ, нарушенъ. Изъ этого китайцы выводятъ слѣдующее заключеніе: «Если благоденствіе народа служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что правительстве его есть орудіе или провозвѣстникъ небесной воли, или вышеупомянутаго закона, то, наоборотъ, несчастія и злополучіе народа доказываютъ, что правительство дѣйствуетъ не въ духѣ закона.» Вотъ почему авторъ могъ сказать съ полнымъ правомъ: «Изъ всѣхъ народовъ, достигшихъ нѣкоторой степени образованія, китайцы наименѣе способны произвести революцію и наиболѣе склонны къ возмущеніямъ».

Революціи суть противодѣйствіе извѣстнымъ началамъ, а китайцаиъ нѣтъ дѣла до ихъ правительственныхъ началъ. Между тѣмъ, мятежъ возстаетъ противъ людей, и какъ засухи, эпидемическія болѣзни, землетрясенія, войны, грабежи,—однимъ словомъ, всевозможныя бѣдствіи, зависящія отъ естественныхъ или социальныхъ причинъ, убѣждаютъ китайцевъ, что ихъ правительство оскорбило верховный законъ, то возмущеніе получаетъ въ ихъ глазахъ совершенное оправданіе. Вотъ почему настоящимъ безпорядкамъ въ Китаѣ нельзя даже предвидѣть конца. Хотя маньчжуры, какъ чуждое племя, никогда не пользовались популярностью въ Китаѣ, но главною причиною возмущенія и безпорядковъ была несчастная война съ Англіей, распространившая пламя раздора до Квангъ-си и внушившая Гунгъ-тси-сейену надежду возродить Китай.

Въ исторіи обращенія китайскаго реформатора и первыхъ подвиговъ его есть много сходства съ тѣмъ, что рассказывалось о Магометѣ. Подобно арабскому пророку, Гунгъ-тси-сейснъ, повидимому, человѣкъ съ нѣжными нервическимъ тѣлосложеніемъ и характеромъ, склоннымъ къ мечтательности. Его такъ же, какъ и арабскаго пророка, посѣщали видѣнія, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ немногіе приверженцы его состояли лишь изъ членовъ его семьи.

Г. Медоузъ считаетъ его и другихъ «поклонниковъ Бога» за людей, поступающихъ по убѣжденію, и полагаетъ рѣзкое различіе между ихъ сочиненіями, основанными на протестантскомъ переводѣ Библии, и позднѣйшими сочиненіями другихъ реформаторовъ, исполненными ненавистнаго богохульства. Гунгъ-тси-сейснъ и его другъ ли обратились въ христіанство и крестились лѣтомъ 1843 года. Осенью 1850 года новая секта пришла въ столкновеніе съ правительствомъ и приняла воинственный видъ.

Начиная съ октября 1850 по мартъ 1853 года, тае-пинги, составляли одну армію и переходили изъ мѣста въ мѣсто, постоянно разбивая императорскія войска, разрушая городъ за городомъ, но не занимая никакой постоянной позиціи. Такимъ образомъ они проникли на сѣверъ чрезъ провинціи Квангъ-си, Гу-нанъ и Гу-пигъ. Завоеванія ихъ тщательно обозначены на картѣ, которая приложена къ книгѣ, 19 марта 1854 года мятежники взяли Нанкинъ и умертвили 20,000 маньчжуровъ, составлявшихъ городской гарнизонъ. Съ этого времени они заняли постоянную позицію, захвативъ южную столицу и центральныя области Китая, именно большую часть провинцій Гу-нана, Гу-пига, Кингъ-си и Гвуйгванга, гдѣ они остаются до сихъ поръ. Обладаніе Чинъ-Кингонъ предоставляетъ имъ владычество надъ Большимъ Каналомъ; въ то же время они безотчетно распоряжаются на Янгъ-це-кингѣ, или Большой рѣкѣ, на нѣсколько сотъ миль по ея теченію; кромѣ Нанкина и другихъ большихъ городовъ, Ву-чангъ, величайшій городъ въ Китаѣ, также находится въ ихъ власти. Армія, которую они послали къ сѣверу противъ Пекина, достигла Тсингъ-гае, въ семидесяти пяти миляхъ отъ столицы, но была прогнана оттуда арміей маньчжуровъ и дикихъ монголовъ.

По понятіямъ китайцевъ, въ пользу мятежниковъ говорятъ, во-первыхъ, ихъ первоначальные успѣхи, во вторыхъ, жестокости, которыми маньчжуры ознаменовали свое владычество.

Китайцы думаютъ, что человѣкъ по природѣ своей добръ и непороченъ, потому что существо его есть результатъ великаго закона и находится въ гармоніи съ нимъ. Притомъ Ли, или умъ, есть правящее начало матеріи и человѣка въ особенности. Потому люди должны быть управляемы на основаніи разужденій, доступныхъ уму, а не помощію жестокостей, разрушающихъ тѣло. Если правитель жестокъ, то онъ этимъ самымъ подписываетъ евой приговоръ; а маньчжуры своими варварскими истязаніями нарушали этотъ основной законъ управленія.

Какой бы ни былъ исходъ этого возмущенія, авторъ все-таки не совѣтуетъ постороннимъ государствамъ вмѣшиваться въ дѣла Китая. Если тае-пинги, дѣйствительно, достойны независимости, то они, безъ сомнѣнія, завоюютъ ее.